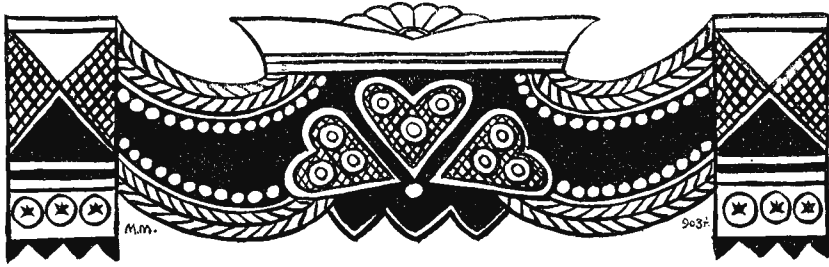

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

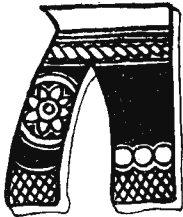
ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.
МАЙ, 1904 Г.

ОТЪ АСХАБАДА ДО МЕШЕДА.

I.

ВТОМЪ 1902 года мнѣ пришлось пробить нѣкоторое время въ столицѣ Хоросана—Мешедѣ. Городъ этотъ является центромъ торговли Россіи съ Хоросаномъ. Значеніе его увеличилось еще и отъ того, что онъ связанъ шоссейною дорогою съ Асхабадомъ. Кромѣ шоссе, отъ Мешеда идутъ караванные пути до станцій Закаспійской желѣзной дороги, до Каахки и Душака. Послѣднія двѣ дороги представляютъ собою только тропинки черезъ горы, и передвиженіе по нимъ грузовъ возможно лишь на вьючныхъ животныхъ. Несмотря на существованіе шоссейной дороги, эти вьючные пути далеко еще не потеряли своего значенія. Дѣло въ томъ, что они почти вдвое короче пути на Куганъ-Асхабадъ, что даетъ возможность, несмотря на трудности, представляемая неразработанной дорогою, совершать переѣздъ до Мешеда почти вдвое скорѣе, чѣмъ изъ Асхабада. Такое сокращеніе времени переѣзда въ связи съ дешевой кормовъ значительно понижаетъ фрахты, что и даетъ возможность этимъ путямъ конкурировать съ шоссе. Кромѣ движенія грузовъ, здѣсь происходитъ движеніе богомольцевъ, стекающихся къ святынямъ Мешеда со всего шіитскаго востока. Мы не должны забывать, что Мешедъ есть прежде всего священный городъ. Самое имя его означаетъ по-арабски «Могила праведника». Городъ своимъ существованіемъ обязанъ исключительно тому

обстоятельству, что на этомъ мѣстѣ былъ погребенъ отравленный по приказанью халифа Мамуна, сына Гарун-ар-Рашида, Али-ибнъ-Муса, признаваемый шиитами за имама. Мѣсто это находилось верстахъ въ 25 отъ города Туса, развалины котораго существуютъ и понынѣ. Съ теченіемъ времени могила вѣроломно умерщвленнаго имама Ризы стала мѣстомъ поклоненія. Мало-по-малу кругомъ могилы образовался небольшой поселокъ, предназначавшійся сначала лишь для нуждъ богомольцевъ. Но постепенно этотъ поселокъ разросся въ большой городъ, и туда понемногу переселились всѣ жители изъ города Туса. Теперь этотъ городъ принадлежитъ къ числу трехъ мѣстъ паломничества. Правовѣрный шиитъ долженъ сначала съѣздить въ Мешедъ, затѣмъ въ болѣе отдаленную Кербелу и наконецъ въ самую дальнюю и трудно досягаемую Мекку.

Ежегодно тысячи богомольцевъ стекаются въ Мешедъ, свозя туда накопленные трудовыя копейки. По словамъ жителей Мешеда, ежегодно на гробницу имама Ризы жертвуется до 7—8 милліоновъ рублей деньгами и драгоценностями. Удивительнѣе всего, что, несмотря на такой обильный притокъ пожертвованій, этихъ колоссальныхъ суммъ не хватаетъ на удовлетвореніе ненасытныхъ appetitовъ лицъ, имѣющихъ прикосновеніе къ дѣламъ гробницы имама. Говорятъ, что не только все это расходуется и раскрадывается, но что еще ежегодно на гробницѣ остается круглая сумма долга.

Богомольцы стекаются изъ Персіи и Кавказа. Послѣдніе-то преимущественно движутся по караваннымъ путямъ съ вышеуказанныхъ станцій Закаспійской желѣзной дороги. Сами они идутъ пѣшкомъ; женщины, дѣти и поклажа двигаются на ишакахъ и катерахъ.

Черезъ Хивіабанскій пограничный постъ, находящійся на дорогѣ въ Каахка, весною ежедневно проѣзжаетъ до 1.000 человекъ. Сколько русскихъ денегъ ввозятъ они ежегодно въ Персію, трудно даже представить. Помимо того, что они добровольно жертвуютъ на гробницу имама, жители Мешеда норовятъ сорвать съ нихъ какъ можно больше, такъ что богомольцу зачастую едва-едва хватаетъ на обратную дорогу.

Для интересующихся нашими торговыми сношеніями съ Персіей, конечно, должны быть безынтересны пути сообщенія, условія передвиженія, нравы и обычаи близлежащаго края, изъ всей Персіи, пожалуй, болѣе всего подчиненнаго русскому вліянію, какъ въ торговомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Англійскимъ товарамъ въ виду отдаленности отъ границъ Индіи и береговъ Персидскаго залива почти что невозможно конкурировать съ русскими, несмотря на всѣ усилія и затраты, сдѣланныя и произведенныя доселѣ англичанами.

Съ чувствомъ удовлетворенія мнѣ приходилось постоянно встрѣчать, какъ по дорогѣ, такъ и въ самомъ Мешедѣ, русскій сахаръ, спички, керосинъ, ситцы и другіе подобныя товары. Вообще можно сказать, что съ дешевыми товарами англичанамъ конкурировать нельзя. Но они, не покладая рукъ, стараются привить товары болѣе цѣнные и поэтому могущіе безъ особеннаго увеличенія стоимости выдержать доставку изъ Индіи.

Теперь на базарѣ есть два-три магазина, содержимыхъ англо-индусами. По слухамъ, они сильно субсидируются англійскимъ правительствомъ, ибо въ противномъ случаѣ ихъ торговля должна была бы сама собою прекратиться. Торговля идетъ вяло, хотя товары продаются дешевле, чѣмъ они обходятся съ доставкой въ Мешедъ, при чемъ надо помнить, что изъ Калькутты они идутъ почти 2 мѣсяца моремъ и караваномъ.

Какъ разъ во время моего пребыванія въ Мешедѣ мнѣ рассказывали небезынтересный случай, заставившій одинъ такой субсидируемый англо-индійскій магазинъ потерпѣть убытки. Хозяинъ этого магазина выписалъ нѣсколько штукъ англійскихъ сѣделъ. Цѣны были назначены довольно дорогія, но, несмотря на это, ихъ стали было раскупать, какъ вдругъ кто-то пустилъ на базарѣ слухъ о томъ, что дѣйствительно сѣдла отличныя, и сдѣланы они изъ лучшей свиной кожи. На другой же день слухъ этотъ дошелъ до купившихъ сѣдла. Можно представить ихъ ужасъ и отвращеніе, когда они узнали, что сидятъ на проклятой нечистой свиньѣ, до которой и касаться грѣшно. Немедленно всѣ сѣдла были возвращены обратно въ магазинъ, гдѣ висятъ и доселѣ въ ожиданіи, пока ихъ раскупятъ европейцы. Несмотря на видимую убыточность торговли, англичане не отступаютъ, имъ необходимо имѣть въ Хоросанѣ подданныхъ: защищая якобы ихъ интересы, они имѣютъ право держать въ Мешедѣ генеральное консульство и слѣдить за русскими интригами, которыя имъ кажутся повсюду.

Какъ я уже говорилъ вначалѣ, лѣтомъ текущаго года мнѣ удалось побывать въ Мешедѣ. Туда я ѣхалъ по шоссе изъ Асхабада; пробывъ въ Мешедѣ полтора мѣсяца, я вернулся въ Россію уже по дорогѣ въ Каахка.

Въ виду полнаго почти незнакомства русской публики съ Хоросаномъ, мнѣ кажется, что и мои бѣглыя путевыя замѣтки могутъ представить нѣкоторый интересъ для лицъ, интересующихся прилегающими къ Россіи областями нашего сосѣда, представляющими такое обширное, но только еще мало разработанное поле для развитія русской торговли.

Въ самомъ дѣлѣ у большинства публики, знакомой по газетамъ съ Персією, по ассоціаціи идей первое неминуемо вызываетъ представленіе о Тегеранѣ. Слова же Хоросанѣ, Мешедѣ мно-

гимъ приходится слышать почти въ первый разъ. Больно слышать о такомъ незнакомствѣ русской публики съ важными пунктами русской торговли, въ то время какъ интересы наши въ Персіи вообще и въ частности въ Хоросанѣ возрастаютъ съ каждымъ днемъ.

Открываются и намѣчены къ открытію новыя отдѣленія «Учетносуднаго банка въ Персіи». Ходятъ слухи о предстоящей въ скоромъ времени постройкѣ дороги, установлены рейсы пароходовъ въ порты Персидскаго залива; прокладываются телеграфныя линіи, и открываются новыя консульства.

II.

Заказанныя наканунѣ извозчику молоканину лошади были поданы къ 4-мъ часамъ утра. Не теряя ни минуты прохладнаго утра, я, быстро собравшись, вышелъ на крыльцо. Передо мной находился экипажъ, въ которомъ мнѣ предстояло сдѣлать 250 слишкомъ верстъ. Нужно сказать, что сообщеніе съ Мешедомъ въ отношеніи экипажа таково, что ему можетъ позавидовать любой россіянинъ, испытавшій прелести путешествія на безрессорныхъ тарантасахъ и плетюшкахъ средней Россіи. Въ самомъ дѣлѣ большихъ удобствъ отъ путешествія по Средней Азіи требовать нельзя. Передъ вами рессорная коляска съ переднимъ сидѣньемъ, запряженная четверкой лошадей. Такія коляски извѣстны всему русскому югу, Кавказу и Средней Азіи подъ названіемъ «фазтонъ». Слово это перешло теперь даже и въ персидскій языкъ. Этотъ способъ передвиженія, правда, не отличается дешевизной. Цѣна за проѣздъ до Мешеда, совершаемый въ 4—5 дней въ зависимости отъ времени года, колеблется отъ 50 до 90 рублей. Лѣтомъ дешевле, зимою, когда грязь и снѣгъ, плата возвышается. Кромѣ этого довольно дорогаго способа, существуютъ еще два другихъ болѣе дешевыхъ. Приблизительно разъ въ недѣлю ходитъ нѣкоторое подобіе дилижанса, въ которомъ переѣздъ стоитъ около 15 рублей. Вы можете также ѣхать на фургонѣ поверхъ всего везомаго груза. Это стоитъ еще дешевле. Послѣдніе два способа отличаются, кромѣ дешевизны, также своею медленностью. Дилижансъ идетъ 5—6 дней, а фургонъ 7—8.

Вещи были быстро уложены, послѣднія наставленія кучеру со стороны хозяина были произнесены, и мы тронулись. Мы ѣхали по спящимъ улицамъ Асхабада. Мостовая, покрытая толстымъ слоемъ мельчайшей пыли, почти совсѣмъ не была чувствительна. Солнце только что всходило; въ воздухѣ было совершенно тихо; день обѣщалъ быть жаркимъ. Изъ-за глиняныхъ стѣнъ виднѣлись сады, запыленные листья деревьевъ, казалось, дремали.

Но вотъ, миновавъ послѣднія строенія, мы выѣхали изъ города. Справа и слѣва разстилалась безграничная степная даль, прямо видѣлся Копетъ-дагъ.

Асхабадъ расположенъ въ равнинѣ. Отъ него къ горамъ совершенно прямо идетъ довольно широкое шоссе. Здѣсь по степи въ сухое время имъ почти не пользуются, предпочитая ѣхать по мягкому грунту, зато зимою, когда лѣсъ, составляющій по преимуществу почву Закаспія, превращается въ невылазную мелкую грязь, шоссе незамѣнимо. Отъ Асхабада до начала горъ верстъ 12. Солнце поднялось уже довольно высоко, когда мы подъѣхали къ первымъ чуть замѣтнымъ отрогамъ, лишь слегка возвышающимся надъ прилегающей къ нимъ равниной. Мало-по-малу они поднимаются все выше и выше. Дорога идетъ вначалѣ по дну оврага до небольшого молуканскаго селенія. Затѣмъ начинается подъемъ. Шоссе дѣлаетъ 5 или 6 заворотовъ. Поднявшись, дорога идетъ снова внизъ, а затѣмъ довольно долго идетъ по ровному мѣсту. Горы Копетъ-дага въ особенности въ этомъ мѣстѣ голы и безжизненны. На вершинахъ растутъ рѣдко разсѣянные кусты туй, ниже горы покрыты желтой выгорѣвшей на солнцѣ травой. Видъ печальный и однообразный.

По дорогѣ васъ поражаетъ обиліе труповъ вьючныхъ животныхъ—верблюдовъ, лошадей и катеровъ. Одни только что пали, другіе уже высохли, третьи превратились уже въ скелеты. Трупы лежатъ около самой дороги, и никому и въ голову не приходитъ, что не мѣшало бы ихъ зарыть или, по крайней мѣрѣ, оттащить подальше. Да и дѣйствительно особенной надобности въ этомъ нѣтъ. Полная сухость воздуха, солнце и вѣтеръ дѣлаютъ то, что трупъ превращается въ мумію прежде, чѣмъ начнетъ разлагаться. Мы начинаемъ догонять фургоны, выѣхавшіе раньше насъ, еще до свѣту, изъ Асхабада. На высокихъ колесахъ крытый, запряженный четверкой отличныхъ лошадей, полный груза и пассажировъ, фургонъ кажется какимъ-то подвижнымъ домомъ. Въ самомъ дѣлѣ въ немъ, кромѣ 80 пудовъ груза, помѣщается цѣлая семья персовъ, ѣдущихъ въ Мешедъ, съ посудой, подушками и коврами. Спереди, свѣсивъ ноги съ горы тюковъ, сидитъ кучеръ, обыкновенно изъ кавказскихъ татаръ. Рядомъ съ нимъ глава семьи, а за ихъ спиною жены, взрослые дочери и ребята.

Спустившись съ слѣдующаго перевала, мы попадаемъ въ небольшую сжатую горами долинку, по дну которой и идетъ дорога. По серединѣ долины, прижавшись къ обрывистой горѣ, нѣсколько глинобитныхъ построекъ. Это заброшенное въ горахъ селенье лежитъ на полпути отъ Асхабада до пограничнаго Гаудана. Тутъ находится станція, на которой мѣняютъ почтовыхъ лошадей. Рядомъ съ станціей—казармы поста пограничной стражи. Казармы и конюшни обнесены довольно основательной глинобитной стѣной.

Тутъ мы дѣлаемъ остановку, надо попоить лошадей; становится жарко, и мы уже сдѣлали отъ Асхабада 20 слишкомъ верстъ. Кучеръ отправляется за водой, отъ нечего дѣлать иду и я за нимъ. Рядомъ съ дворомъ у подножья круто поднимающейся горы вырыта не высокая, но довольно глубокая пещерка, на днѣ ея колодець. Еще раньше въ горахъ я обратилъ вниманіе на множество саранчи, прыгивавшей съ шоссе при приближеніи экипажа, издавая при этомъ сухой трескъ. Тамъ ея было сравнительно немного, но тутъ весь дворъ былъ буквально покрытъ ею. Когда вы идете, тучи поднимаются на воздухъ, но еще больше остается сидѣть на землѣ, и вы давите ее ногами. Саранча садится вамъ на платье, ударяется вамъ въ лицо и немилосердно трещитъ въ воздухъ. Больше всего ея около воды. Земля передъ пещеркой, смоченная проливаемой изъ ведеръ водою, покрыта саранчей въ три-четыре слоя. Дно пещерки и вода полны ею. Попадая въ воду, саранча не можетъ оттуда выбраться. Она быстро гибнетъ и, начиная вскорѣ разлагаться, своимъ отвратительнымъ запахомъ отравляетъ воду. Полюбовавшись вдоволь этой картиной, возвращаюсь обратно на дворъ казармы. На дворѣ нѣсколько персовъ подъ руководствомъ солдатъ поправляютъ крышу, таская на нее землю. Интересенъ тотъ способъ, которымъ туземные мастера доставляютъ на верхъ строительные матеріалы. Лѣсовъ, какъ это дѣлается у насъ, тамъ по дороговизнѣ дерева не употребляютъ. Какъ мнѣ потомъ пришлось видѣть въ Мешедѣ, даже при постройкѣ довольно значительныхъ зданій обходятся лишь съ лѣстницей-стремянкой. Кирпичи перекидываютъ снизу вверхъ, какъ мячикъ. Сидящій на верху каменщикъ прямо кладетъ ихъ на мѣсто. Землю же, какъ это и было здѣсь, они носятъ въ лоткахъ на плечѣ, ловко балансируя на приставленной почти вертикально къ стѣнѣ тоненькой тополевой лѣстницѣ.

Въ ожиданіи, пока напоятъ всѣхъ лошадей, вступаю въ бесѣду съ солдатами. Ихъ тутъ стоитъ 12 человекъ. На помощь имъ есть нѣсколько человекъ текинцовъ джигитовъ. вмѣстѣ съ ними они день и ночь караулятъ границу. Укараулить здѣсь границу—задача не изъ легкихъ. Мѣстность пустынная и крайне пересѣченная, масса горныхъ тропинокъ и обходныхъ дорогъ, добавьте къ этому темныя южныя ночи, заманчивость контрабанды и громадный навывкъ къ провозу контрабанды населенія, разбойническаго по природѣ, и вы увидите, что задача эта невозможна.

Изъ контрабанды, провозимой здѣсь, помимо чая и шелка, особенно замѣчательны своей оригинальностью слѣдующія три: сахаръ, краны и терьякъ (составъ изъ головокъ мака, приготовляемый въ Персіи открыто на улицахъ). Населеніе Закаспійской области, разъ привыкнувши къ нему, не можетъ уже теперь отъ него отказаться, какъ это бываетъ со всѣми привыкшими къ

употребленію наркотиковъ, морфія, гашиша и очень близкаго къ терьяку опиума. Поэтому контрабанда терьяка очень выгодна. Контрабандистъ, купивъ его сравнительно дешево въ Персіи и провезя въ Асхабадъ или окрестные текинскіе аулы, продаетъ его на много дороже. При этомъ покупатели не только не въ претензіи, но еще благодарны ему за доставленіе необходимаго для нихъ снадобья. Я говорю — необходимаго, ибо человѣкъ, разъ попробовавшій терьяку, только обладая рѣдкой желѣзной силой воли, не закуритъ вторично. Обыкновенно же достаточно выкурить одну трубку терьяку, чтобы черезъ двѣ-три недѣли обратиться въ завыятаго терьякеша. Терьякъ отравляетъ организмъ и разстраиваетъ здоровье. Курильщикъ худѣетъ, лицо принимаетъ землистый оттѣнокъ, глаза тухнуть. Чувствуется полная апатія къ всему, единственная потребность во что бы то ни стало курнуть терьяку, чтобы на нѣсколько часовъ забыться чуднымъ сномъ. Эта потребность непреодолима. Послѣ куренія исчезаетъ апатія, человѣкъ становится энергичнымъ и для удовлетворенія своей пагубной страсти готовымъ на все, на преступленіе, воровство, убійство. Страсть эта сильно распространена въ Персіи. Тамъ курятъ и богатые и бѣдные, мужчины и женщины, даже дѣти. Но всѣ стараются скрыть свою привычку и чрезвычайно обидятся, если вы въ разговорѣ открыто на это намекнете. Этотъ-то губительный терьякъ, имѣющій видъ невинныхъ шоколаднаго цвѣта блестящихъ палочекъ, и провозится массаами черезъ горы.

Другой не менѣе оригинальной контрабандой является русскій сахаръ. Какъ извѣстно, сахароторговцы при вывозѣ сахара за границу получаютъ обратно акцизъ, уплаченный при выпускѣ сахара съ завода. Поэтому въ Персіи, несмотря на очень высокіе фрахты, сахаръ даже въ розничной продажѣ въ полтора раза дешевле, чѣмъ въ Россіи. Разумѣется, прямая выгода перевезти его разъ за границу, получить на границѣ въ таможенѣ акцизъ обратно, затѣмъ снова ввезти его горами въ Россію и продать по установленной въ Россіи цѣнѣ.

Но еще болѣе выгодно этотъ же сахаръ снова представить въ таможеню и заявить, что вы вывозите его въ Персію, и опять получить акцизъ, однажды вами уже полученный. Какъ видно, сахаръ можетъ путешествовать, такимъ образомъ, изъ Россіи въ Персію черезъ таможеню, а обратно тайкомъ черезъ горы, принося своему обладателю солидный заработокъ, безконечное число разъ, пока, наконецъ, съ нимъ не произойдетъ какой нибудь несчастный случай, въ родѣ, напримѣръ, задержанія чинами пограничной стражи и т. п.

Но, къ огорченію гг. контрабандистовъ, эта выгодная комбинація теперь стала невозможной. Если вы желаете вывезти изъ Россіи сахаръ, то необходимо представить въ таможеню счетъ завода

и накладную желѣзной дороги въ удостовѣреніе того, что сахаръ этотъ дѣйствительно никогда не видалъ Персіи и отправляется въ это путешествіе въ первый разъ. Опытный же въ путешествіяхъ сахаръ, не имѣющій требуемыхъ удостовѣреній, арестуется при таможенѣ и конфискуется. Благодаря этой предусмотрительной мѣрѣ, второй видъ контрабанды нынѣ уничтоженъ, тогда какъ первый процвѣтаетъ и понынѣ.

Помимо контрабандистовъ всѣ фургонщики, фазтонщики, черводары, т.-е. проводники каравановъ, и просто проѣзжающіе считаютъ своимъ долгомъ провезти дозволенное закономъ количество: пять фунтовъ на человѣка.

Третій соблазнъ представляютъ краны. Эта контрабанда самая заманчивая и выгодная. Она поставлена на очень широкую ногу, и ею занимается добрая половина мешедскихъ купцовъ, и даже мешедское отдѣленіе англійскаго банка; послѣднее, конечно, не лично, но черезъ посредниковъ.

Кранъ это — персидская серебряная монета, являющаяся основной монетной единицей. Теперь ея курсъ около 17 копеекъ, или за 100 рублей даютъ около 580 крановъ. Но курсъ измѣнчивъ, хотя стоимость крана не опускается ниже 16,9. Дѣйствительно же кранъ стоитъ меньше. Въ Персіи существуетъ свободная чеканка серебра. Всякій можетъ привезти на тегеранскій монетный дворъ свое серебро, и ему тамъ надѣлаютъ изъ него крановъ. При этомъ, кранъ обходится въ 15,25 копеекъ. Съ доставкой его въ Мешедъ онъ обходится въ 15,75 копеекъ. Теперь надо его продать на русскія деньги и получить разницу между дѣйствительною цѣною крана и курсомъ. Покупателями крановъ являются русскіе туркмены. Населеніе Закаспійской области, привыкшее издавна въ торговыхъ сношеніяхъ и еще чаще въ грабежахъ и набѣгахъ получать персидскій кранъ, до сихъ поръ не можетъ привыкнуть къ русскимъ деньгамъ. Въ виду устраненія этой аномалии, съ цѣлью пріученія русскихъ подданныхъ къ русской монетѣ, ввозъ крановъ въ Россію запрещенъ, а между тѣмъ у туркменъ потребность въ кранѣ еще осталась. Туркмень, получившій за свои продукты рубли на базарѣ, не знаетъ, что съ ними дѣлать. Въ его аулѣ они не ходятъ; ему надо, во что бы то ни стало, промѣнять ихъ на знакомые краны. Онъ готовъ дать за нихъ больше, чѣмъ они стоятъ на самомъ дѣлѣ, лишь бы сбыть свои рубли съ рукъ. Благодаря этому обстоятельству, цѣна на кранъ въ Закаспіи выше, чѣмъ въ Мешедѣ. Если вы можете продать кранъ въ Мешедѣ за 17 копеекъ, то въ Закаспіи онъ стоитъ 18—19 и иногда даже больше. Слѣдовательно, прямая выгода везти кранъ въ Закаспію. Контрабанда крановъ легче другой, по малому объему провозимаго товара, и еще по тому, что краны арестуются лишь на разстояніи не свыше 300 сажень отъ границы, такъ какъ въ самой Закаспійской обла-

сти размѣнъ и обращеніе крановъ не воспрещены. Въ виду выгоды этой операціи въ ней принимаютъ участіе,—какъ я сказалъ выше,—купцы и банкиры Мешедъ и даже отдѣленіе англійскаго банка. Участіе послѣдняго состоитъ въ слѣдующемъ. Онъ покупаетъ въ Одессѣ серебро, провозитъ его въ Тегеранъ. Превращаетъ его тамъ въ краны и переправляетъ въ Мешедъ. Тутъ онъ осуждаетъ эти краны купцамъ, съ обязательствомъ со стороны послѣднихъ возвратить ссуду въ рубляхъ. Конечно, англійскому банку безызвѣстно, куда идутъ эти краны, и гдѣ ихъ продаютъ за рубли, которыхъ въ Мешедѣ весьма мало. Но англійскій банкъ подобное участіе въ контрабандѣ не считаетъ для себя неудобнымъ.

Напротивъ, очевидцы передавали, что на дворѣ англійскаго банка грузятъ цѣлые караваны катеровъ кранами, завѣдомо для отправки ихъ въ Россію. По истеченіи срока ссуды, купцы, провезшіе уже краны въ Россію и получившіе рубли, расплачиваются съ англійскимъ банкомъ, а послѣдній расплачивается за серебро, и операція начинается снова,

III.

Пока я разговаривалъ съ солдатами, ямщикъ напоилъ лошадей, и мы снова тронулись по извилистому шоссе по берегу проходящаго по дну долины русла пересыхающей гдѣто рѣчки. Версты черезъ двѣ мы опять начали подниматься. Шоссе дѣлаетъ шесть-семь поворотовъ и достигаетъ вершины горы. Отсюда можно бросить прощальный взглядъ на Закаспійскую равнину. На ней виденъ Асхабадъ, до котораго по прямой линіи версты 20; городъ тонетъ въ зелени окружающихъ его садовъ. Бѣлыя и желтыя постройки сливаются съ деревьями, и городъ кажется желтовато-зеленымъ пятномъ на желтомъ фонѣ Закаспія.

Солнце поднимается выше, близокъ полдень, но въ воздухѣ не чувствуется асхабалскихъ 55 градусовъ, и дышится гораздо свободнѣе. Выѣхавъ утромъ рано, начинаешь устывать, съ нетерпѣніемъ спрашиваешь кучера, много ли осталось до дограничнаго селенія Гауданъ, гдѣ намъ надо будетъ отдохнуть и покормить лошадей.

Еще два-три подъема, и мы спускаемся въ длинную узкую долину. Посерединѣ ея тянется прямая, какъ натянутый шнуръ, дорога. Версты черезъ двѣ долина суживается, и ее перегораживаютъ строенія. Это и есть Гауданъ. Дорога проходитъ черезъ ворота двора таможи. Кругомъ таможи по долинѣ объѣхать нельзя, ибо тамъ, гдѣ кончаются стѣны двора, начинаются острые крутые скалы.

Появленіе рѣдкаго проѣзжаго отрываетъ отъ дремоты караульнаго таможеннаго солдата. Бѣгутъ докладывать дежурному чиновнику.

Въ ожиданіи осматриваюсь кругомъ. Таможня сжата горами, за ней вдоль дороги лежитъ небольшое селеніе, гдѣ живутъ молукане. Въ рукахъ ихъ почти все извозное дѣло. Всѣ почти фаятоны Асхабада и фургоны, ходящіе въ Мешедъ, принадлежатъ имъ. Благодаря такой фактической монополіи, они заламываютъ за эти 250 верстъ, сколько имъ заблагоразсудится, и въ то время, какъ фрахты отъ Мешеда до Асхабада никогда не бываютъ выше 30—35 копеекъ съ пуда, изъ Асхабада въ Мешедъ, благодаря стачкѣ молуканъ-фургонщиковъ, онъ поднимается до 90 копеекъ, одного рубля и зимою еще выше. Благоразумные и степенные на видъ, они своимъ разумнымъ разговоромъ сначала внушаютъ симпатію, но чуть дѣло коснется наживы, они готовы содрать за пустую услугу, какъ можно больше.

Большой квадратный дворъ таможни былъ совсѣмъ пустъ. Въ это время дня фургоны и караваны находятся въ пути. Чиновникъ, вышедшій на зовъ солдата, любезно пригласилъ меня въ канцелярію, гдѣ исполнилъ необходимыя паспортныя формальности.

Багажъ мой не осматривали.

Распростившись съ чиновникомъ, послѣднимъ официальнымъ русскимъ лицомъ, я прошелъ въ слѣдующія ворота во второй дворъ, гдѣ устроены навѣсы для лошадей и казармы для таможенныхъ солдатъ. Тутъ же, у стѣны, приютилась небольшая чайная лавка, содержимая, какъ почти всѣ караванъ-сарай и чайхане по дорогѣ въ Мешедъ, кавказскимъ татаринкомъ. Напившись чаю и позавтракавъ, я легъ отдохнуть подъ навѣсомъ. Но жаръ, усилившійся послѣ того, какъ мы спустились съ горъ, мухи и прыгающая по мнѣ саранча не давали ни минуты покоя.

Часа въ три, когда въ воздухѣ стало замѣтно прохладнѣе, мы тронулись дальше. Сейчасъ же у воротъ таможни лежитъ самое селеніе Гауданъ. Полверсты дальше, у самой дороги, изъ земли черезъ чугунныя трубы выведена наружу, проведенная подземными каризами, далеко съ горъ вода. Выливаясь изъ трубы, вода попадаетъ въ цѣлый рядъ открытыхъ колодъ, расположенныхъ одна надъ другой такъ, что вода, наполняя первую, наполняетъ вторую и т. д. Такъ какъ она быстро разбирается, то почти никогда всѣ колоды не бываютъ полны, и ни одна капля воды не тратится даромъ. Но это остроумное устройство имѣло теперь свои невыгоды. Саранча, пользуясь громадной поверхностью воды, ничѣмъ не закрытой, наполняла воду своими трупамъ до такой степени, что ее оттуда приходилось выгребать лопатами. Запахъ и вкусъ воды отъ такого дополненія, конечно, не выигрывалъ.

Да, помимо того, вода сама по себѣ не важная. Сильно соленый вкусъ ея былъ замѣтенъ въ чаѣ, и большое количество сахара не въ состояніи заглушить его.

Гауданъ расположенъ въ четырехъ верстахъ отъ ближайшаго персидскаго селенія Башгира, гдѣ находится персидская таможня и паспортный чиновникъ. Приблизительно на половинѣ дороги между этими пунктами, расположенными въ долинѣ, находится высокій перевалъ. На немъ, немного не доѣзжая до самой вершины, мы увидали каменное строеніе, нѣчто въ родѣ блокгауза съ кирпичными воротами, бойницами и съ весьма основательной стѣной во кругъ небольшого двора.

За этимъ зданіемъ по горной лужайкѣ разбросано нѣсколько деревянныхъ бараконъ. Здѣсь былъ прежде постъ пограничной стражи, и надо полагать, что эти стѣны и кирпичныя бойницы были не бесполезны. Теперь тутъ, по словамъ кучера, солдатъ нѣтъ, они сосредоточены въ болѣе опасныхъ мѣстахъ.

Еще одинъ поворотъ шоссе, и мы достигли вершины подъема. Отсюда, несмотря на отсутствіе пограничныхъ знаковъ, начинается уже Персія, или, какъ называютъ ее сами персы, «Девлети Иранъ».

Съ пограничнаго подъема мы спустились въ долину. Вскорѣ показались группы глинобитныхъ зданій безъ оконъ и дверей, съ одними лишь ничѣмъ не закрытыми для прохода отверстіями. Крыши то плоскія, то куполообразныя. Всѣ постройки глинобитныя или въ лучшемъ случаѣ сложены изъ кирпича сырца. На крышахъ нѣкоторыхъ изъ домовъ сушился собранный хлѣбъ и скрученный въ пленки клеверъ «юрунджа», который готовится для продажи.

Дорога вошла въ селеніе и извивалась между криво разставленными стѣнами домовъ. Дорога настолько узка, что разъѣхаться двумъ фазтонамъ и, тѣмъ болѣе, двумъ фургонамъ совершенно невозможно; съ трудомъ разъѣзаемся съ верховыми.

Вотъ и таможня, съ ней рядомъ паспортное отдѣленіе.

И та и другое помѣщаются въ маленькихъ комнатахъ съ одной дверью, отворяющеюся прямо на улицу. На улицѣ никого нѣтъ, лишь у таможни два-три перса съ форменными пуговицами на сердари и съ львомъ и солнцемъ на шапкѣ. Это — таможенные сторожа. По другую сторону улицы ворота во дворъ, для каравановъ и фургоновъ, ожидающихъ досмотра.

Отправляюсь сначала въ паспортную. Предъявляю мой паспортъ. Повертѣвъ его въ рукахъ, мнѣ заявляютъ, что необходимо взять другой, и что стоитъ это удовольствіе 2 рубля 72 копейки. Не имѣя ни малѣйшаго желанія платить этихъ денегъ и думая, что тутъ лишь недоразумѣніе, такъ какъ никто меня объ этомъ не предупредилъ, начинаю доказывать, что моего паспорта совершенно достаточно. Говорю это по-русски переводчику, но это не дѣйствуетъ. Тогда обращаюсь къ главному чиновнику, въ синемъ однобортномъ сердари съ гербовыми персидскими золочеными пуговицами и контръ-погонами коллежскаго ассессора почтово-теле-

графнаго вѣдомства. Вообще относительно формъ въ Персіи господствуетъ произволь. Тутъ чиновникъ надѣлъ русскія почтово-телеграфныя погоны. Когда я выѣзжалъ изъ Персіи, черезъ Кахестеръ, мой паспортъ прописывалъ чиновникъ, одѣтый въ синее двубортное австрійское офицерское пальто, на красной генеральской подкладкѣ. Не говоря уже о мелкихъ чиновникахъ, то же, повидимому, и среди большихъ. Такъ, на торжественномъ обѣдѣ въ англійскомъ генеральномъ консульствѣ, по поводу коронаціи Эдуарда VII, я видѣлъ генераль-губернатора Хоросана и его сына въ черныхъ однобортныхъ сердари, съ краснымъ кантомъ и золочеными гербовыми пуговицами и русскими золотыми погонями полнаго генерала, надѣтыми наоборотъ, т.-е. со сръзанными углами къ плечу, а прямыми къ воротнику, повидимому, вслѣдствіе довольно логичнаго разсужденія, что къ плечу удобнѣе менѣе торчащіе концы. На другомъ праздникѣ, менѣе торжественномъ, сынъ генераль-губернатора уже былъ безъ погонь въ томъ же сердари, и на томъ мѣстѣ, гдѣ погоны привязывались шнурками, виднѣлись лишь дырочки, совершенно такъ, какъ у нашихъ денщиковъ, перешившихъ себѣ барскій сюртукъ.

Сердари называется платье въ родѣ нашего сюртука: спереди у него или отложной воротникъ или же стоячій, а свади отъ талии такія же складки, какъ у нашихъ поддевокъ. Вотъ изъ такого-то сердари со стоячимъ воротникомъ и устраиваютъ себѣ всевозможныя формы, украшая его пуговицами, кантами и русскими погонями.

Чиновникъ, къ которому я обратился, хотя и былъ удивленъ моими скудными знаніями персидскаго языка, все же не смягчился и любезно заявилъ, что «лаземъ эсть», т.-е. что это необходимо. Вижу дѣлать нечего, даю деньги, и мѣ въ пишутъ на соотвѣтствующемъ печатномъ бланкѣ нѣкоторое подобіе паспорта, наклеиваютъ гербовыя марки и прикладываютъ печать. Кстати о печатяхъ.

Персы, равно какъ и турки, очень любятъ печати. Подпись ваша имъ не нужна, на векселѣ, распискѣ, контрактѣ и на тому подобныхъ документахъ необходима лишь ваша печать. Поэтому у каждаго перса должна быть обязательно при себѣ, по крайней мѣрѣ, одна печать. Кто немного побогаче, у того ихъ по нѣскольку штукъ. Оттискъ дѣлается не сургучемъ, а чернилами или тушью.

Печать обыкновенно уже раньше бываетъ смазана краской, и, когда надо ее приложить, языкомъ лизнуть нужное мѣсто на бумагѣ и къ нему прикладываютъ печать. Засохшая на печати краска даетъ на мокрой бумагѣ довольно отчетливый оттискъ.

Какъ я уже сказалъ, приложеніе печати считается необходимымъ условіемъ для приданія документамъ значенія. Такое довѣріе къ печатямъ тѣмъ страннѣе, что на печатяхъ вырѣзывается обыкновенно лишь два имени, а имена у персовъ не отличаются

особеннымъ разнообразіемъ. Всѣ же прозвища, по которымъ носящихъ одно и то же имя различаютъ въ разговорѣ, на печатяхъ обыкновенно не вырѣзываютъ. Такимъ образомъ, у большого количества лицъ печати совершенно одинаковаго содержанія. Къ тому же, на базарѣ за пять кранъ вамъ черезъ полчаса сдѣлаютъ какую угодно печать.

Получивъ отъ таможни, послѣ бѣглаго осмотра вещей, удостовѣреніе, что ничего подлежащаго оплатѣ съ нами нѣтъ, ѣдемъ дальше.

Дорога идетъ около маленькихъ обработанныхъ и орошенныхъ полей; шпеница уже убрана, но клеверъ еще зеленѣетъ, пріятно выдѣляясь на сѣро-желтомъ фонѣ окружающихъ полей.

IV.

Версты черезъ три отъ Башгира, тамъ, гдѣ дорога съ долины начинаетъ подниматься въ горы, стоитъ довольно обширная глинобитная крѣпостца съ башнями и съ зубчатыми стѣнами. Теперь она уже необитаема, но, судя по тому, какъ хорошо она сохранилась, можно думать, что она покинута недавно. Поля, по которымъ мы ѣхали послѣ Башгира, давно уже колчались, мѣстность снова угрюма и пустынна.

День клонится къ вечеру, лошади уже начинаютъ уставать. Хотя мы сдѣлали съ утра версть 50, но крутые подъемы даютъ себя знать. Да и число пройденныхъ верстей весьма проблематично. Дѣло въ томъ, что верстовые камни есть лишь до Гаудана. На персидской же территоріи никакихъ знаковъ нѣтъ. По картѣ опредѣлить пройденное разстояніе невозможно. Глядя на нее, кажется, что разстояніе отъ Асхабада до Кугана вдвое меньше, чѣмъ отъ Кугана до Мешеда; но на самомъ дѣлѣ первую часть вы ѣдете 2 дня, а вторую лишь 1¹/₂. Оно и понятно, ибо отъ Кугана до Мешеда дорога идетъ по совершенно ровному мѣсту, а до Кугана съ горы на гору.

Сегодня почевать мы должны въ Шамхалахъ. Еще въ Гауданѣ насъ уговаривали остаться почевать, говоря, что по слухамъ въ Шамхалахъ всѣ колодцы полны саранчей, и что вода не годится даже для скота. Но чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ мѣсту ночлега, тѣмъ саранчи становилось меньше и меньше. Она, повидимому, уже перелетѣла въ другое мѣсто, оставивъ лишь массу труповъ своихъ собратій.

Но вотъ и караванъ-сарай.

На двѣ узкой долины виднѣется длинное четвероугольное строеніе безъ оконъ съ одними лишь выѣздными воротами. Кругомъ по долинѣ не видно никакихъ строеній, кромѣ маленькаго глинобитнаго домика, гдѣ помѣщается чайханъ, отдѣленнаго отъ

караванъ-сарая лишь дорогой. Караванъ-сарай—это четырехугольное продолговатое строеніе, снаружи обнесенное сплошною глинобитною стѣной. Въ сторонѣ, обращенной къ дорогѣ, ворота. Надъ ними нѣчто въ родѣ мезонина съ двумя маленькими окошечками. Въѣзжаемъ въ ворота; черезъ длинный съ кирпичнымъ сводомъ порталъ мы попадаемъ на первый дворъ. Кругомъ квадратнаго двора идетъ нѣчто въ родѣ крытой веранды, полъ которой поднимается на аршинъ отъ земли. Крыша надъ верандой глиняная, на тоненькихъ тополевыхъ столбахъ. На веранду, которая шириною аршина два, выходятъ двери и окна отдѣльныхъ номеровъ, именуемыхъ мензья'ями. Каждая такая комнатка—сажени 3 квадратныхъ. Окно безъ стеколъ и дверь выходитъ на веранду, задняя же стѣна составляетъ наружную стѣну караванъ-сарая. Надъ каждой комнаткой—куполообразная глиняная крыша. Прямо противъ воротъ, черезъ которыя мы въѣхали, находятся вторыя ворота, ведущія во второй дворъ приблизительно такой же величины, какъ и первый, но тутъ помѣщенія предназначены не для людей, а для упряжныхъ лошадей и вычныхъ животныхъ.

Описываемый караванъ-сарай—одинъ изъ лучшихъ на этой дорогѣ. Обыкновенно же ограничиваются лишь однимъ дворомъ, гдѣ рядомъ помѣщаются и везомые, и везущіе.

Этотъ караванъ-сарай новый и производитъ пріятное впечатлѣніе своею чистотою и хорошею отдѣлкою стѣнъ и куполовъ. Вообще надо отдать справедливость, что персы изъ своего незамысловатаго матеріала строятъ очень порядочно. Правда, ихъ глинобитныя постройки не особенно прочны, и во время дождя онѣ снаружи размываются. Но ихъ не трудно привести снова въ полную исправность, да къ тому же и дожди бываютъ лишь очень короткое время осенью и зимою. Всѣ постройки одного цвѣта съ землею, такъ какъ онѣ изъ нея и сдѣланы, и матеріалъ берется тутъ же рядомъ. Своды и столбы стѣнъ дѣлаются изъ обожженнаго кирпича, но къ этому прибѣгаютъ сравнительно рѣдко, такъ какъ топливо дорого.

Вышесказанное относится къ обыкновеннымъ строеніямъ; мечети, школы, базары и дома богатыхъ людей дѣлаются цѣликомъ изъ обожженнаго кирпича, чтѣ, конечно, возможно лишь при большихъ затратахъ.

Постройки изъ глины, предоставленныя сами себѣ, подъ дѣйствіемъ дождя и снѣга въ два, три десятка лѣтъ превращаются въ кучу земли и мало-по-малу сравниваются съ окружающей почвой.

Хозяинъ этого караванъ-сарая завѣдуетъ выдачей пропускныхъ билетовъ для проѣзда по шоссе до Мешеда. Билетъ до Мешеда стоитъ 1 р. 10 к. и дѣйствителенъ лишь на одинъ разъ въ одинъ конецъ. Каждый фаятонъ и фургонъ обязанъ запасаться

имъ здѣсь. Если почему либо вы не пожелали взять его здѣсь, то по прїѣздѣ въ Мешедъ съ васъ взыскиваютъ вдвое. Если же фаятонъ возвращается порожнемъ, то новаго билета покупать не надо. Кромѣ этого сбора, собственно не съ проѣзжающихъ, а съ экипажа, всякій проѣзжающій долженъ имѣть паспортъ, которымъ снабдили на границѣ меня.

Примѣты въ немъ не пишутся, и вы, разъ съѣздивши въ Персію, если не собираетесь ѣхать туда снова, можете смѣло продать его другому, конечно, съ уступкою.

Хозяинъ-извозчикъ, на лошадахъ котораго я ѣхалъ, ежегодно выправляетъ нѣсколько такихъ паспортовъ для кучеровъ и фургонщиковъ. Составъ его рабочихъ часто мѣняется, и зачастую они ѣздятъ съ чужими паспортами. Такъ и мой возница, по имени Василій, оказался въ паспортѣ Петромъ.

Караванъ-сарай по этой дорогѣ содержатся по большей части кавказскими татарами, зачастую знающими немного по-русски. Русское подданство, ставя ихъ подъ защиту консуловъ, спасаетъ ихъ отъ произвола и вымогательства туземныхъ властей, такъ какъ за обиду русскихъ подданныхъ туземныя власти платятся довольно дорого.

Пока кучеръ убиралъ лошадей, я послалъ бывшаго со мною человѣка за самоваромъ. Я говорю: послалъ, потому что у самого владѣтеля караванъ-сарая обыкновенно собственнаго самовара нѣтъ. За самоваромъ необходимо посылать въ чайханэ, которую вы всегда встрѣтите у каждаго караванъ-сарая. Хозяинъ этой лавки и снабжаетъ васъ самоваромъ, посудой, чаемъ и сахаромъ, конечно, за отдѣльную плату. Хозяину же караванъ-сарая за помѣщеніе надо платить только тогда, когда вы занимаете отдѣльную комнату. Если же, занявъ вашими повозками хоть весь дворъ, въ отдѣльной комнаткѣ не нуждаетесь, то съ васъ ничего за ночлегъ не берутъ. Хозяинъ довольствуется лишь доходомъ съ продаваемого вамъ фуража, за который онъ и заламываетъ соответствующія цѣны, пользуясь тѣмъ, что ближайшее селеніе верстахъ въ 5 въ сторону отъ дороги.

Пока хлопотали съ самоваромъ, быстро безъ сумерекъ наступила ночь. Сейчасъ только солнце еще виднѣлось надъ горизонтомъ, но вотъ оно скрылось, нѣсколько мгновений разсѣяннаго свѣта, длинныя вечернія тѣни пропали, солнце еще борется съ мѣсяцемъ. Но вотъ солнце уступаетъ; мѣсяцъ, давно уже ждавшій на небѣ, вступая въ свои права, разгорается все ярче и ярче. Потянулись, побѣжали черныя тѣни, заря догорѣла и погасла, тихая южная ночь охватила долину, отдаленныя горы покрылись серебряной дымкой; яркія южныя звѣзды, кажется, спорятъ съ мѣсяцемъ.

Утромъ, часа въ 4, когда солнце еще не показалось изъ-за горъ, мы уже выѣзжаемъ. Скоро начинается подъемъ. По мѣрѣ

того, какъ мы поднимаемся, лучи солнца, освѣщавшіе сначала лишь вершины дальнихъ горъ, спускаются все ниже и ниже и скоро заливаютъ горячимъ свѣтомъ самыя глубокія впадины покинутой нами долины.

Дорога отъ Шамхалъ, какъ называется этотъ караванъ-сарай, до города Кугана—самая живописная изъ всего пути. Дорога, шедшая прежде по землянымъ отлогимъ склонамъ, переходитъ теперь на скалистые обрывистые хребты. Шоссе узкою лентою смѣло извивается по откосамъ горъ, гдѣ мѣсто для него приходилось вырубать въ камнѣ. Скалы, составляющія стѣну по одной изъ сторонъ дороги, носятъ на себѣ слѣды взрывовъ.

На нависшихъ надъ дорогою утесахъ кое-гдѣ, цѣпляясь корнями, растутъ кусты туй. Но и эта единственная растительность, встрѣчаемая въ этихъ горахъ, разбросана крайне рѣдко.

Но вотъ мы снова спускаемся въ долину. Около горнаго родника пріютилась маленькая персидская деревушка. Жилища еще бѣднѣе и неудобнѣе, чѣмъ тѣ, что я видѣлъ въ Башгирѣ. У ключа, гдѣ мы остановились поить, разставлены на камняхъ мѣдные луженые тазы съ водою. Съ какою цѣлью это было сдѣлано, я такъ и не узналъ.

Видя, что мы собираемся поить лошадей, нѣсколько туземцевъ подошли къ источнику. Усѣвшись около воды, они видимо были недовольны и пытались протестовать противъ того, чтобы мы пользовались ихъ водою. Но, трусливые по природѣ, они ограничились лишь ворчаніемъ и ругательствами про себя. По объясненію моего кучера, они не желали, чтобы нечистое ведро уруса окуналось въ ихъ воду.

Сейчасъ же за ключемъ дорога входитъ въ ущелье. Сажень 150 вы ѣдете по узкому коридору, гдѣ можно разѣхаться со встрѣчными лишь съ трудомъ; высоко наверху видна узкая полоска голубого неба. Мѣсто это называется Дурбаданъ.

На долинѣ, куда мы выѣхали изъ этого ущелья, находятся посѣвы жителей деревни, которую мы миновали у ключа. Хлѣбъ уже поспѣлъ, и его жнутъ мужчины и женщины маленькими кривыми серпами. Затѣмъ, не связывая его въ снопы, наваливаютъ въ сѣтки и, связавъ ихъ по двѣ, нагружаютъ на ишака, который и отвозитъ ихъ въ деревню.

Ишакъ, или харъ, т.-е. оселъ, здѣсь, какъ и въ Закаспіи, самое необходимое, распространенное, дешевое и невзыскательное животное. Какихъ только работъ оно не исполняетъ! Онъ возитъ, или, вѣрнѣе, таскаетъ землю, навозъ, кирпичи, бревна, хлѣбъ, солому, арбузы, дыни, хозяина, хозяйку, дѣтей, порознь cadaго и всѣхъ трехъ вмѣстѣ. При этомъ на маленькое животное наваливаютъ такую массу, что удивляешься, какъ оно можетъ выдержать. Возмутительно видѣть, какъ на маленькомъ ишачкѣ сидятъ два гро-

мадныхъ перса, ноги ихъ достигаютъ земли, и изъ-подъ нихъ видна лишь голова животнаго. При ѣздѣ на ишакахъ простымъ народомъ узда не употребляется. Имъ управляютъ при помощи заостренной палочки, которой тычутъ или бьютъ по сторонѣ, противоположной той, куда надо повернуть. Когда ишаковъ нѣсколько, то ихъ не привязываютъ одного къ другому, какъ это дѣлаютъ съ верблюдами и лошадьми, но пускаютъ свободно.

Однѣ мальчишка съ палкой управляется съ цѣлымъ караваномъ изъ ишаковъ 8—10. Они идутъ себѣ вмѣстѣ, не отставая и не разбѣгаясь, и терпѣливо переносятъ свою незавидную долю. Невольно удивишься, откуда пошло мнѣніе объ упрямствѣ и лѣни осла. Смирнѣе, послушнѣе и кротче животнаго я не видывалъ.

Долина, по которой мы ѣхали, становится все шире и шире. Вотъ впереди раскинулся большой аулъ съ земляными домами, заборами, съ зеленѣющими тополями и съ пріятно ласкающими глазъ своею темной зеленью полями клевера. Послѣ голыхъ скалъ и выжженныхъ солнцемъ мертвыхъ откосовъ пріятно видѣть густую и свѣжую траву. Миновавъ кривую улицу, по которой проходитъ дорога, мы подъѣзжаемъ къ берегу широкой горной рѣчки, дающей жизнь всей растительности. Рѣчка эта пересѣкаетъ долину, и на всемъ ея пути ею постарались воспользоваться, насколько возможно. Выѣхавъ изъ селенія, мы ѣдемъ по берегу рѣчки вверхъ по теченію. Рѣчка бѣжитъ по дну широкаго ущелья, прихотливо извиваясь отъ одного его края къ другому. Дорога постоянно переходитъ съ берега на берегъ. Черезъ рѣчку перекинута нѣсколько новыхъ крѣпкихъ мостовъ; гдѣ берега отлоги, тамъ переѣзжаемъ въ бродъ.

Вотъ обвалъ скалъ засыпалъ русло; громадные камни образуютъ естественную плотину, вода съ шумомъ переливается черезъ преграду, то образуя водопадъ, то рассыпаясь мелкими брызгами.

Довольно долго ѣхали мы по ущелью, слѣдуя за капризными извивами рѣчки. Было уже близко къ полдню, когда показались стѣны караванъ-сарая, гдѣ мы должны были остановиться. Этотъ караванъ-сарай расположенъ въ томъ же ущельѣ, между дорогой и рѣчкой; по другую сторону дороги, какъ и въ предыдущемъ, расположена чайная лавка.

Сегодня вечеромъ мы должны доѣхать до города Кугана. Горы должны скоро кончиться. Перегонъ этотъ довольно великъ, и потому выѣзжаемъ пораньше. Съ сожалѣніемъ расстаемся съ веселой рѣчкой и яркой зеленью тополей, окружающихъ со всѣхъ сторонъ стѣны караванъ-сарая. Мѣсто это называется Имамъ-Кули, и по справедливости оно самое лучшее на всей дорогѣ. Черезъ польверсты снова начинаются подъемы.

Обгоняемъ трехъ ишаковъ, нагруженныхъ, помимо груза, цѣлымъ семействомъ. Бѣгущій за ними худощавый песъ догоняетъ

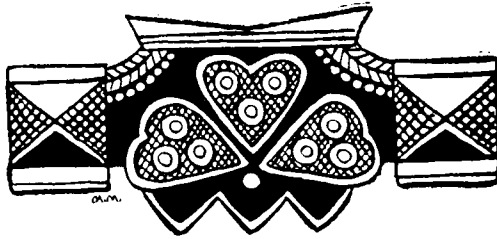
насъ. Но не лаеъ и гонится за нами, глаза его смотрятъ просительно, и онъ умильно виляетъ хвостомъ. Кучеръ объясняетъ, что собаки придорожныхъ селеній привыкли, что проѣзжающіе русскіе ямщики бросаютъ имъ съ фаятоновъ хлѣбъ. Поэтому и этотъ бѣжитъ за нами. Не желая обманывать его надеждъ, кидаю ему увѣсистый кусокъ.

Въ Персіи собака считается нечистой, никто никогда не заботится ихъ накормить; на улицахъ множество бездомныхъ собакъ, жалкихъ, тощихъ, промышляющихъ неизвѣстно чѣмъ свой скудный кусокъ хлѣба.

Позже въ Мешедѣ, на дворѣ у генераль-губернатора, я видалъ пару отличныхъ лягашей, такихъ же тощихъ, какъ и бездомныя уличныя собаки. Охотящійся съ ними генераль-губернаторъ не только не считалъ нужнымъ отвести имъ особое помѣщеніе, но даже не назначалъ имъ опредѣленнаго корма, предоставляя прокармливаться, чѣмъ попало.

Дмитрій Бѣляевъ.

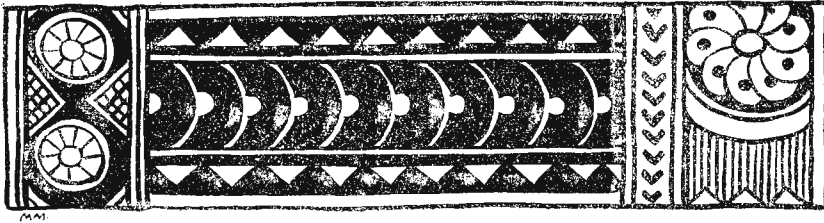
(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.
ЮНЬ, 1904 Г.

ОТЪ АСХАБАДА ДО МЕШЕДА ¹⁾.

V.

ОРЫ СТАНОВЯТСЯ отложе, нѣтъ уже ущелій, дорога идетъ по покатымъ склонамъ, крутые подъемы, повидимому, кончились. Встрѣчающіяся долины становятся шире и просторнѣе. Передъ нами большое селеніе, къ нему вдоль дороги проведенъ арыкъ съ водой. Около самаго арыка сажень 60 выше по теченію отъ того мѣста, гдѣ арыкъ входитъ въ черту селенія, лежитъ полуистлѣвшій трупъ верблюда. Падалъ лежитъ около самой воды, почти касаясь ея, и никому въ голову не приходитъ оттащить хотя бы немного въ сторону. Вода, омывая трупъ, протекаетъ дальше въ деревню, гдѣ ею моются и пьютъ.

Проѣзжаемъ селеніе, за нимъ на пригоркѣ устроенъ токъ, и идетъ молотба. Способъ довольно примитивный. Пара воловъ возитъ по разметанному хлѣбу основательную деревянную раму, въ которой укрѣплены два вращающіеся вала, усаженные толстыми деревянными зубьями. Зубья забираютъ солому и выбиваютъ зерно.

Рядомъ, по уже убранному полю, по жнивѣ пасутся верблюды, набираясь силы на ночной переходъ. Идутъ они крайне медленно, дѣлая путь изъ Асхабада до Мешеда въ 7—8 дней. Несмотря на проведеніе шоссе, по которому могутъ двигаться колесные экипажи, сообщеніе верблюдами до сихъ поръ не потеряло своего значенія.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVI, стр. 557.

Дѣло въ томъ, что нѣкоторые товары не выдерживаютъ перевозки на фургонахъ, тогда какъ на вьючныхъ животныхъ они доѣзжаютъ въ цѣлости.

Особенно не любятъ ѣздить въ фургонахъ сахаръ и керосинъ. Сахаръ, отправленный изъ Россіи незнающими мѣстныхъ условій заводчиками, упаковывается въ мѣшки. Въ каждый мѣшокъ кладутъ по четыре большихъ головы сахара, перекладывая все это соломой. Попадая въ Асхабадъ лѣтомъ, когда верблюдовъ меньше, сахаръ отправляется въ Мешедъ на фургонахъ. Отъ тряски на камняхъ стучаясь другъ о друга и о стѣнки фургона, сахаръ обращается въ куски и пыль, перемѣшанную съ соломой и обрывками оберточной бумаги. При мнѣ была получена учетносуднымъ банкомъ партія такого сахара. Изъ ста головъ цѣлыми доѣхало лишь штукъ 6—7, остальные были въ кускахъ и пыли. Благодаря такому положенію вещей выработался особенный способъ пріема получателемъ такого сахара. На вѣсы кладутъ всѣ куски сахара, остающіеся въ грохотѣ, все же просыпающееся сквозь его ячейки идетъ фургонщику, съ котораго взыскиваютъ за недостающее до указаннаго въ накладной количество сахара. На верблюдахъ же сахаръ доходитъ совершенно благополучно въ цѣломъ видѣ.

Керосинъ, который отправляютъ въ Персію въ желѣзныхъ трехъ-пудовыхъ бидонахъ, совершенно не выноситъ перевозки въ фургонахъ. При толчкахъ жезъ пробивается, и керосинъ вытекаетъ. При перевозкѣ на верблюдахъ случаи пролома желѣза очень рѣдки. Впрочемъ, въ послѣднее время бидоны задѣлываютъ въ деревянную оболочку, предохраняющую ихъ отъ пролома при толчкахъ. Этотъ способъ даетъ возможность отправлять керосинъ и на фургонахъ, безъ риска привезти пустые бидоны.

За селеніемъ снова подъемъ, послѣдній, какъ утѣшаетъ меня нашъ возница. Послѣ этого мы спускаемся въ неглубокое каменистое ущелье и ѣдемъ надъ берегомъ пересохшей рѣки и, переславшись черезъ нее по мосту, уже выѣзжаемъ изъ горъ, которыя остаются налѣво и позади насъ.

Дорога пошла теперь по ровному мѣсту слегка подъ гору; по словамъ ямщика, мы должны бы видѣть мѣсто нашего ночлега, городъ Куганъ, до котораго намъ оставалось пять—шесть верстъ. Но, какъ я ни напрягалъ зрѣніе, не могъ различить ни одного огонька. Только подѣхавъ совсемъ близко, можно было различить стѣны садовъ, освѣщенные мѣсяцемъ; но огней все же не было видно. Только въѣхавъ въ улицы, я увидалъ, что тутъ живутъ, и что внутри домовъ есть освѣщеніе.

Этотъ городъ существуетъ недавно. Старый Куганъ, давшій свое имя этому, лежитъ верстахъ въ 10-ти къ западу. Городъ въ древности назывался Хабунанъ и уже извѣстенъ въ первыхъ вѣкахъ нашей эры въ числѣ городовъ, принадлежавшихъ Арсакидамъ.

Онъ былъ разрушенъ землетрясеніемъ, бывшимъ здѣсь въ началѣ девяностыхъ годовъ. Часть города была разрушена, часть провалилась въ громадный провалъ. Глиняныя постройки при ударѣ развалились и подавили множество народа. Жители, оставшіеся въ живыхъ, переселились на новое мѣсто и основали теперешній Куганъ. Мѣсто для города было распланировано русскими инженерами, и потому онъ обладаетъ широкими прямыми улицами и лишенъ обычныхъ въ городахъ Персіи узкихъ, кривыхъ и запутанныхъ переулковъ, мѣшающихъ прїѣзжимъ ориентироваться въ незнакомомъ городѣ.

Около вѣзда находится таможня, «чемрюкъ». Тамъ я предъявилъ выданное мнѣ на границѣ удостовѣреніе, и меня пропустили въ городъ.

Въ Куганѣ находится таможенный инспекторъ, бельгіецъ.

Всѣ товары, идущіе въ Россію черезъ Асхабадъ, Какха и Душакъ, обыкновенно осматриваются и очищаются пошлиной или въ Мешедѣ или въ Куганѣ, гдѣ и находятся таможенные, европейцы. Пограничные же служащіе лишь контролируютъ багажъ проѣзжихъ и провѣряютъ накладныя и квитанціи грузовъ.

Какъ извѣстно, теперь всѣ персидскія таможни находятся подъ главнымъ управленіемъ бельгійцевъ. Главнымъ начальникомъ всѣхъ таможенъ является бельгіецъ Наосъ. Сѣверныя таможни служатъ гарантіей русскаго займа, а потому, въ случаѣ недовольства русскаго правительства дѣятельностью таможенныхъ чиновниковъ, оно имѣетъ право произвести контроль надъ всѣми ихъ дѣйствіями.

Вся Персія раздѣлена на нѣсколько округовъ, которые ввѣрены директорамъ; послѣднимъ, въ свою очередь, подчинены инспектора.

Въ Мешедѣ находится мѣстожительство директора таможенъ Хоросана и Сеистана. Мѣсто это занимаетъ теперь Викторъ Кастень. Таможенные инспектора этого округа находятся въ Нафетабадѣ, столицѣ Сеистана, и Куганѣ.

Прежде таможни были отдаваемы персидскимъ правительствомъ на откупъ. По введеніи европейской системы и замѣщеніи должностей бельгійцами, доходность таможенъ повысилась сразу чуть не втрое.

Остановились мы здѣсь въ караванъ-сараѣ, находящемся на той же большой главной улицѣ, гдѣ находится таможня. Этотъ караванъ-сарай переполненъ фургонами и лошадьми.

Такъ какъ воду поднять стоитъ дорого, да и трудно, персы спускаются къ ней сами. Здѣсь, какъ это мнѣ и потомъ приходилось наблюдать, уровень воды, проведенной издалека, лежитъ довольно низко, на сажень ниже улицы. Для того, чтобы не приходилось черпать воду, а чтобы ее можно налить, подъ караванъ-сараемъ устроенъ спускъ, довольно отлогая каменная лѣст-

стница, покрытая сводомъ. На днѣ—площадка, и въ стѣнѣ устроены краны, откуда и берутъ воду.

Утромъ я пошелъ осматривать новый для меня персидскій городъ. По широкой улицѣ нѣсколько домовъ съ большими окнами: это—дома русскихъ купцовъ и склады товаровъ. Купцы эти—почти всѣ армяне. Дальше находятся нѣсколько чайханэ и харчевенъ. Широкия двери открыты настежь: можно видѣть внутреннее устройство этихъ заведеній. Кругомъ комнаты, не имѣющей, кромѣ входной двери, никакихъ другихъ дверей, ни оконъ, по стѣнамъ устроены на аршинъ отъ земли довольно широкой каменный помостъ, на немъ, на паласахъ сидятъ, поджавъ ноги, посѣтители. Хозяинъ ходитъ отъ одного къ другому, передавая кальянъ и поднося чай въ миниатюрныхъ стаканчикахъ. Передъ дверью устроены деревянныя скамейки, и любители чистаго воздуха, сидя на нихъ, наслаждаются чаемъ и кальяномъ.

VI.

Изъ Кугана мы выѣхали поздно, часовъ въ семь утра. Миновавъ широкия пустыя улицы города, проѣхавъ по базару, мы проѣзжали мимо какихъ-то разбросанныхъ и необитаемыхъ глиняныхъ построекъ; но вотъ и онѣ остались позади. Теперь мы ѣдемъ по долинѣ, съ сѣвера и съ юга окаймленной хребтами горъ.

На сѣверѣ—«Копеть-дагъ», составляющій границу съ Россіей, на югѣ—горы Ала-дагъ. Послѣ Кугана мы измѣнили направленіе; пересѣкая до Кугана Копеть-дагъ, мы ѣхали прямо на югъ. Теперь дорога поворачиваетъ на востокъ, почти подъ прямымъ угломъ. Долина, по которой мы теперь ѣдемъ, тянется съ запада на востокъ, отъ береговъ Каспія до долины рѣки Мургаба. Западную ея часть орошаетъ Атрекъ, впадающій въ Каспійское море, восточную же Кешефъ-рудъ, который, сливаясь дальше съ Гери-рудомъ, образуетъ рѣку Тедженъ. Куганъ расположенъ на самомъ высокомъ мѣстѣ этой долины, и неподалеку отъ него начинаются обѣ эти рѣки. Около Кугана долина шириною верстъ 50. Дорога идетъ по серединѣ, почти въ равномъ разстояніи отъ горъ, по пустынной мѣстности. Вдали отъ дороги, поближе къ горамъ, кое-гдѣ чернѣли сады деревень, рѣзко выдѣляясь на желтомъ фонѣ степи.

Особенно тяжелымъ мнѣ показался первый перегонъ отъ Кугана. Около трехъ съ половиной часовъ мы ѣхали по совершенной пустынѣ; солнце выжгло все, даже и выносливая колючка попадаетъ не всегда.

Въ воздухѣ душно и пыльно, по дорогѣ нѣтъ ни деревца, ни воды. А тутъ, какъ на зло, вдали начинаютъ виднѣться миражи. Еще въ Закаспійской долинѣ, изъ окна вагона, мнѣ показали виднѣющіяся въ степи селенія, говоря, что это миражи. Но тогда

это явленіе не производило на меня никакого впечатлѣнія. Съ одной стороны, потому, что въ вагонѣ чувствовалось гораздо лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было подъ открытымъ небомъ, даже и въ привлекательной обстановкѣ, съ другой, потому, что видно было лишь темное пятно, и лишь опытные старожилы Закаспійской желѣзной дороги могли съ увѣренностью сказать, что тутъ пустыня, и все видимое сейчасъ не существуетъ на самомъ дѣлѣ. Здѣсь же, уставъ трястись по скверно укатанному шоссе, глотать пыль, мечтаешь объ остановкѣ подъ тѣнью деревьевъ около воды. Миражи здѣсь тѣмъ обманчивѣе, что деревня, которую вы видите, существуетъ на самомъ дѣлѣ, но миражъ лишь приближаетъ ее къ вамъ, увеличиваетъ въ объемѣ, окружаетъ деревьями и располагаетъ ее на берегу озера. Вы ясно видите, какъ вѣтерокъ рябитъ воду, и какъ въ ней отражаются стѣны домовъ и вѣтви деревьевъ. Вы подъѣзжаете ближе, деревня уходитъ отъ васъ, теряя постепенно всѣ манящія прелести. Часъ, другой ѣзды, и вы догоняете ее, ясно видите, что это небольшое селеніе въ сторонѣ далеко отъ дороги, гдѣ нѣтъ ни волнующагося озера, ни чудныхъ развѣсистыхъ деревьевъ.

Здѣсь, какъ въ Закаспійской области, дождя не бываетъ все лѣто. Окрестныя горы слишкомъ низки, снѣговыхъ вершинъ нѣтъ. Рѣки вообще рѣдки. Отъ Кугана до Мешеда мы не переѣзжали ни одной рѣки. Кешефъ-рудъ все время остается налѣво. Притоки его съ южной стороны лѣтомъ высыхаютъ, и дорога пересѣкаетъ лишь три-четыре совершенно сухихъ русла.

Приходится подумать объ искусственномъ проведеніи воды. Дѣйствительно, на желтомъ фонѣ равнины выдѣляются круглыя, воронко-образныя насыпи въ діаметрѣ сажени двѣ, вышиною около двухъ аршинъ. Одна, другая, вотъ онѣ цѣлой вереницей потянулись вдоль дороги, сворачиваютъ въ сторону къ горамъ и, насколько видятъ глазъ, тянутся по направленію къ нимъ. Это—каризы.

Лишенное все лѣто воды, населеніе испоконъ вѣковъ пользуется для питья и для орошенія своихъ полей, садовъ водою, проведенной изъ каризовъ. У подножія горъ копаютъ узкій, въ три четверти аршина, колодезь, до слоя, гдѣ находится подпочвенная вода. Рядомъ съ нимъ, саженьяхъ въ двухъ ниже по склону горы копаютъ другой, еще дальше и ниже третій, четвертый, и такъ, соединяя ихъ подъ землею на уровнѣ воды, ихъ доводятъ почти до самаго селенія, куда надо провести воду. Мѣсто, гдѣ выкопанъ первый колодезь, выбирается выше селенія, такъ что уровень подпочвенной воды здѣсь выше поверхности полей. Каризы, по мѣрѣ приближенія къ деревнѣ, становятся все короче, воду вы видите ближе къ поверхности, и, наконецъ, у самой деревни она выходитъ наружу въ видѣ арыка. Такіе каризы—у каждой деревни;

они тянутся иногда на 30 и больше верстъ. Сколько надо труда, умѣнья и внимательности, чтобы добыть воду и поддерживать это сооруженіе въ порядкѣ! По проведеніи этихъ колодцевъ, они закрываются сверху тонкимъ сводомъ изъ сырыхъ кирпичей, чтобы туда не попадалъ соръ и дождевая вода, которая можетъ размыть и засорить подземный каналъ. Во время ремонта эта крышка разбирается. Мнѣ часто приходилось видѣть, какъ полунагіе персы особыми сильно загнутыми лопатами выгребаютъ со дна каризовъ лишнюю обсыпавшуюся со стѣнъ землю. Видно, что они хорошо понимаютъ, какъ опасно предоставлять это сооруженіе самому себѣ, и потому съ неослабною заботливостью слѣдятъ за этими колодцами, дающими имъ возможность оросить ничтожные на нашъ взглядъ клочки земли.

Наконецъ поднимается вѣтеръ. Вздымая пыль, онъ свиваетъ изъ нея маленькіе смерчи. На полѣ, гдѣ почва тверда, смерчъ тощъ и прозраченъ, но, попадая на дорогу, онъ сразу становится больше, крутя обильно покрывающую шоссе пыль. Но вотъ онъ снова перешелъ на поле; лишенный питающей его пыли, онъ отрывается отъ земли, долго виситъ и крутится въ воздухѣ длиннымъ, слегка изогнутымъ столбомъ.

Каризы, уже давно тянувшіеся вдоль дороги, прекратились, значитъ, неподалеку вода выведена наружу. Вотъ и арыкъ. Лошади жадно пьютъ, легкій вѣтерокъ относитъ пыль въ сторону, чувствуешь себя бодрѣе. Еще часъ, и мы остановимся для отдыха.

Около одиннадцати часовъ у дороги показывается деревня. Свѣжая зелень пирамидальныхъ тополей пріятно шумитъ. Мечтаешь отдохнуть подъ ихъ тѣнью. Напрасно. Сады огорожены высокою стѣною; туда постороннему нѣтъ входа. На дворѣ караванъ-сарая нѣтъ буквально ни прутика. Караванъ-сарай старый, маленькій и плохо содержимый. Рѣдкій проѣзжій заѣзжаетъ сюда: останавливаются обычно въ слѣдующемъ за этимъ селеніемъ. Здѣсь же ночуютъ лишь караваны.

У вѣзда въ ворота караванъ-сарая находится чайханэ. Заказываемъ тамъ самоваръ, и черезъ полчаса, забравшись въ приготовленное для насъ помѣщеніе, принимаемся за ѣду.

Противъ насъ у противоположной стѣны двора въ холодкѣ расположилось на отдыхъ цѣлое семейство. Скуластыя лица и отсутствіе покрывала на лицѣ у женщинъ указываютъ на ихъ монгольское происхожденіе. Мужчина, нимало не стѣсняясь дамъ, снимаетъ съ себя рубаху и ложится отдыхать. По серединѣ гладко убитаго двора разбросанъ ячмень въ колосѣ. Изъ стойла выгоняютъ двухъ ишаковъ. Связавъ ихъ вмѣстѣ шерстяной веревкой, мальчикъ лѣтъ 15-ти начинаетъ гонять ихъ по раскиданнымъ колосьямъ. Бѣгавшія до сихъ поръ по двору дѣти помогаютъ имъ, усердно топчя хлѣбъ ногами. Наши предки полторы тысячи лѣтъ тому назадъ дѣлали то же.

Кончили пить чай, самоваръ убрали и, по словамъ моего человѣка, понесли его къ грязному арыку, зацвѣтшую воду котораго не даютъ даже скотинѣ. Сняли съ него крышку и, зачерпнувъ этой воды, начали мыть его и внутри и снаружи. Это, видите ли, дѣлаютъ потому, что мы осквернили его, наливая изъ него воду въ чайникъ и стаканы. Что же дѣлаютъ съ послѣдними, которыхъ мы касаемся руками и губами, я имѣлъ случай наблюдать на послѣдней остановкѣ передъ Мешедомъ.

Отдохнувъ и покормивъ лошадей, мы часовъ около трехъ дня трогаемся дальше. Сегодня мы должны ночевать въ Чинаранѣ, большомъ селеніи верстахъ въ 25 — 30 отъ Мешеда. Кучеръ объявляетъ мнѣ отличный караванъ-сарай.

Теперь аулы расположены ближе къ дорогѣ. Кое-гдѣ они стоятъ на ней, и дорога проходитъ мимо самыхъ садовъ. Кое-гдѣ по берегу проходящаго около дороги арыка посажены туовыя деревья, но все это встрѣчается не часто, и по большей части ѣдешь по пустынному мѣсту, по голой равнинѣ. Начинаютъ попадаться высохшія русла рѣкъ. Мосты черезъ нихъ почти всѣ поломаны, и приходится дѣлать большіе объѣзды. Мнѣ потомъ рассказывали, что окрестные жители не только не чинятъ проходящей около ихъ селеній дороги, но иногда нарочно портятъ ее и ломаютъ находящіяся на ней мосты. Такъ, недалеко отъ Мешеда есть одно селеніе, черезъ которое шель прежде караванный путь. Новое шоссе, проложенное болѣе прямо, обошло эту деревню, оставивъ ее въ сторонѣ.

Жители, продававшіе проѣзжимъ фуражъ, теперь лишены этого сбыта. Чтобы помочь горю, они систематически ломаютъ мостъ на новой дорогѣ, чтобы проѣзжіе, сдѣлавъ необходимый объѣздъ, заѣхали въ ихъ селеніе, гдѣ поневолѣ имъ приходится останавливаться, такъ какъ въ объѣздъ до ближайшаго придорожнаго караванъ-сарая довольно далеко.

Четыре часа по однообразной дорогѣ показались короче, чѣмъ нашъ утренній переѣздъ. Солнце уже было низко, дулъ сбоку вѣтеръ, относившій пыль въ сторону, воздухъ былъ свѣжъ, и дышалось легко.

Еще нѣсколько селеній, и показались высокія глиняныя стѣны Чинарана съ массивными башнями и бѣлыми зубцами. Владѣтель этого города окружилъ своихъ крестьянъ этою высокою стѣной для наибуднѣйшаго эксплуатированія. Противъ воротъ этой крѣпости по другую сторону дороги находятся два дома, принадлежащіе независимымъ отъ него лицамъ.

Дорога проходитъ между крѣпостью и этими домами. Въ нихъ устроены двѣ-три лавки, чайханэ и харчевня. Рядомъ съ ними расположенъ караванъ-сарай, который мнѣ такъ расхваливалъ мой кучеръ. Онъ дѣйствительно хорошъ. На улицу онъ выходитъ двухъ-этажнымъ зданіемъ, подъ которое ведутъ ворота со сводами. Боль-

шой квадратный дворъ, куда мы въѣхали черезъ эти ворота, окруженъ комнатами-мензилями. Надъ каждымъ мензилемъ отдѣльная куполообразная крыша. У задней стѣны мензилей нѣтъ, тамъ устроенъ навѣсъ для скота и вьючныхъ животныхъ. Надъ этимъ навѣсомъ во второмъ этажѣ устроенъ рядъ отличныхъ чистыхъ мензилей, выходящихъ на широкую, длинную, поперекъ всего двора, веранду, съ которой виденъ весь дворъ. Заднія двери мензилей выходятъ прямо въ садъ, разбитый сзади караванъ-сарая.

Тутъ меня впервые поразило то обстоятельство, что всѣ эти балконы и плоскія крыши домовъ, на которыхъ персы спятъ лѣтомъ, ничѣмъ не огорожены. Мало того, двери изъ второго этажа открываются прямо на воздухъ, и передъ ними не устроено ни перилъ, ни рѣшетки. Если вы не знакомы съ подобнаго рода устройствомъ, легко можете шагнуть изъ такой двери въ пропасть.

Мы располагаемся на балконѣ; внизу подъ нами стоятъ лошади въ ожиданіи корма. Вотъ несутъ большой самоваръ и подносы съ крохотными стаканчиками, изъ которыхъ персы пьютъ чай; они вдвое ниже и уже нашихъ. Пока приготовляли чай и раскладывали вещи, солнце зашло, и быстро наступила ночь. Ночи сторицею вознаграждаютъ за жаркіе дни. Въ семь съ половиною вечера уже совершенно темно. Ночи здѣсь прохладныя, не то, что въ Асхабадѣ, гдѣ и ночью около тридцати градусовъ. Мѣсяцъ свѣтитъ прямо на веранду, гдѣ мы сидимъ безъ огня. Сначала неясныя тѣни отъ мѣсяца быстро становятся яркими и отчетливыми; каждый камешекъ, каждый листочекъ со всѣми мельчайшими подробностями отражается на землѣ. На небѣ ни облачка; всѣ деревья залиты дивнымъ серебрянымъ блескомъ. Легкій вѣтерокъ, и все это оживаетъ, и листва начинаетъ переливаться темнотою и блескомъ.

Ночь теплая и тихая. Изъ-за высокихъ стѣнъ крѣпости доносится по тихому ночному воздуху носовое пѣніе: то соло, то цѣлый хоръ. Мотивъ однообразенъ, унылъ, но не лишенъ нѣкоторой своеобразной красоты. Это мусульмане справляютъ юзу, т.-е. постъ, подъ пятницу. Кромѣ того, у нихъ завтра, кажется, какой-то «катль», т.-е. день смерти какого либо чтимаго шіитами святого. Но не всѣ такъ богомольны; за высокой стѣной, отдѣляющей дворъ караванъ-сарая отъ сосѣдняго сада, слышатся смѣхъ и крики.

Хозяинъ этого караванъ-сарая тотъ самый, за арестованіе котораго, какъ я уже говорилъ, такъ жестоко заплатился владѣтель Чинарана. Это—высокій, толстый кавказскій татаринъ, весьма порядительный, услужливый и любезный. Онъ говоритъ немного по-русски.

Утромъ расстаемся съ гостепріимнымъ хозяиномъ.

Сегодня конецъ моимъ странствованіямъ. До Мешеда осталось верстъ тридцать, и мы можемъ доѣхать туда къ часу. Но день

общаетъ быть жаркимъ, и, жалѣя лошадей, рѣшаемъ сдѣлать остановку въ самое жаркое время дня отъ одиннадцати до трехъ и прїѣхать въ Мешедъ по холодку часамъ къ шести вечера.

Потянулась опять та же желтая равнина. Но деревни чаще; вереницы каризовъ тянутся непрерывно по нѣсколькимъ рядовъ сразу.

Вотъ направо отъ дороги на небольшомъ возвышеніи могила какого-то святого. На ней стойкомъ черная плита съ плохо высѣченной надписью и груды мелкихъ камешковъ. Начинаютъ попадаться бахчи и баштаны. У дороги подъ развѣсистымъ тутомъ лежатъ сложенные въ кучу прямо на землѣ арбузы. Тутъ же, поджавъ подъ себя ноги, сидитъ хозяинъ.

Персы, насколько мнѣ приходилось видѣть, сидятъ на полу не такъ, какъ турки. Они не складываютъ ногъ калачомъ. Они становятся на колѣни и затѣмъ, откидываясь назадъ, садятся на свои собственные пятки. Чтобы сидѣть такъ, надо привыкнуть, иначе безъ привычки страшно ломить колѣна.

Жарко, арбузы такъ аппетитно выглядываютъ изъ-подъ дерева. Велю остановиться и спрашиваю, чтò стоитъ. Оказывается, что онѣ продаются на вѣсъ. На одну чашку вѣсовъ, весьма примитивно изъ веревокъ и палокъ устроенныхъ онѣ накладываютъ нѣсколько булжниковъ, долженствующихъ изображать собою гирию. На другую накладываютъ арбузы. Арбузы не большіе, темно-зеленые, съ свѣтлыми полосками. За три штуки онѣ взяли двадцать пулъ, около семи копеекъ, и это еще очень дорого, такъ какъ арбузы лишь только начинаются. Внутри зрѣлыя арбузы красные и зеленые, при чемъ и зеленые вполнѣ спѣлы и такъ же сладки, какъ и красные.

Вѣсъ, употребляемый въ Персіи, имѣетъ основной единицей батманъ, около семи русскихъ фунтовъ. Сто батмановъ составляютъ халваръ, который въ Хоросанѣ равенъ приблизительно пудамъ восемнадцати. Халваръ есть количество груза, нагружаемого на одного верблюда. Для мелкихъ вещей, для драгоценныхъ металловъ, существуетъ маленькая единица вѣса—мицкаль. Какъ батманъ, такъ и халваръ въ разныхъ областяхъ Персіи означаютъ разное количество вѣса: въ Хоросанѣ одно, въ Ширазѣ другое, въ Тавризѣ третье. Поэтому при сдѣлкахъ и обязательствахъ необходимо обозначать, что расчетъ будетъ производиться батманами или халварами такой-то мѣстности.

Снова тянутся пустынные поля. Ямщикъ обращаетъ мое вниманіе на довольно большіе круглые камни, лежащіе прямо на самой дорогѣ. За ними тянется слѣдъ по пыли; видно, что ихъ недавно катили. Эти камни святыя, издавна съ горъ за Куганомъ идутъ они сами въ Мешедъ. Путь отъ Кугана до Мешада они совершаютъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Поверхность ихъ вся испарана отъ долгой дороги, но они терпѣливо, медленно подвигаются

все ближе къ своей цѣли, къ святынѣ Мешеда, къ гробницѣ имама Ризы, чтобы стать тамъ частью стѣны какого либо священнаго зданія.

Такъ, по крайней мѣрѣ, вѣруютъ набожные мусульмане.

Но мой скептикъ кучеръ объясняетъ мнѣ эту тайну. Каждый паломникъ, проходящій въ Мешедъ на богомолье, катитъ такой камень сажени двѣ-три, по направленію къ Мешеду. Мало-по-малу камень дотаскиваютъ до стѣнъ города. Тогда его ночью проносятъ въ священную часть Мешеда Бестъ и тамъ уже употребляютъ на постройки мечетей.

VII.

Не доѣзжая до Мешеда верстъ 12, или по персидскимъ мѣрамъ двухъ фарсаговъ, мы останавливаемся въ небольшомъ селеніи. Караванъ-сарая тутъ нѣтъ. Дорога тянется между высокими стѣнами садовъ. Вотъ черезъ дорогу протекаетъ широкій арыкъ чистой, прозрачной холодной воды. На берегу арыка растутъ два-три развѣсистыхъ тута. Здѣсь у самой дороги мы останавливаемся. Лошадей отпрягаютъ, готовятъ имъ кормъ. У стѣны въ тѣни раскладываемъ наши вещи и дорожную провизію. Тутъ же неподалеку отъ насъ находится чайханэ. Иду туда, чтобы велѣть принести самоваръ. Хозяинъ татаринъ заявляетъ, что самовара онъ не дастъ, но что если хотимъ, то пришлетъ кипятокъ въ чайникъ. Немного удивленный такою нелюбезностью, соглашаюсь и начинаю выбирать изъ лежащей у дверей лавки кучи дынь. Беру одну въ руки, тянусь за другой, но нелюбезный хозяинъ кричитъ: «не трогай руками», и требуетъ, чтобы я купилъ ту дыню, которую я уже бралъ въ руки и тѣмъ уже ее осквернилъ. Подобный фанатизмъ со стороны хозяина татарина я могъ объяснить лишь тѣмъ, что въ глубинѣ лавки на идущемъ кругомъ стѣнъ помостѣ, поджавъ ноги, сидѣли два перса въ пестрыхъ чалмахъ и длинныхъ халатахъ.

По зеленымъ поясамъ узнаю сеидовъ, т.-е. потомковъ пророковъ, считающихъ себя въ правѣ слѣдить за вашимъ поведеніемъ и дѣлать замѣчанія, /если имъ покажется, что вы не точно слѣдуете всѣмъ предписаніямъ мусульманскаго закона. Теперь этихъ сеидовъ развелось великое множество. Въ число ихъ попасть не трудно, ибо для признанія сеидомъ требуется, чтобы васъ признали таковымъ нѣсколько уже признанныхъ сеидовъ. Такъ какъ теперь среди сеидовъ попадаются и нищіе, то за нѣсколько тумановъ вы легко можете приобрести нужныя признанія. Поэтому теперь взглядъ на сеидовъ измѣнился, и къ нимъ относятся уже съ меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ прежде. Но не такъ давно было время, когда богатые мусульмане считали за честь выдать свою дочь съ хорошимъ приданымъ за проходимца сеида, лишь бы породниться съ домомъ пророка.

Сеиды пользуются особенной охраной. За обиду и убійство сеида наказаніе гораздо строже, чѣмъ за такія же преступленія противъ простаго смертнаго. Всѣ мусульмане должны платить хумсъ, т.-е. пятую долю своихъ доходовъ, на пропитаніе дома пророка, этихъ тунейдцевъ сеидовъ. Но теперь это правило исполняется весьма немногими, уже черезчуръ набожными людьми.

Не меньше, пожалуй, чѣмъ сеидовъ, въ Персіи принцевъ, персидски «шахзодэ». При существующихъ у мусульманскихъ правителей многочисленныхъ гаремахъ не мудрено, что по смерти каждаго остается множество дѣтей. Одинъ дѣлается наслѣдникомъ престола, нѣсколько другихъ отъ главныхъ или болѣе любимыхъ женъ получаютъ какія нибудь назначенія, а остальные предоставляютъ самимъ себѣ.

Имѣя въ свою очередь по нѣскольку женъ, они быстро размножаются, и ихъ внуки превращаются по матеріальному положенію почти въ нищихъ, сохраняя свой титулъ. Какъ сеидовъ, такъ и шахзодэ, вы часто можете встрѣтить среди многочисленной челяди богатыхъ персовъ. Такъ у мешедскаго каргузара, т.-е. персидскаго чиновника для дипломатическихъ сношеній есть такой принцъ въ должности кальянги. И хозяинъ, требуя отъ него кальянъ, кричитъ: «Эй, шахзодэ, тащи кальянъ», что въ русскомъ переводѣ звучитъ довольно странно.

Благодаря присутствію этихъ двухъ сеидовъ, которые могли причинить хозяину чайханэ крупную неприятность, обвинивъ его въ излишней любезности съ невѣрными, онъ и былъ, полагаю, такъ грубъ и фанатиченъ. Обыкновенно же кавказскіе татары довольно индифферентны и во всякомъ случаѣ любезны и предупредительны.

Напившись чая безъ самовара изъ довольно грязнаго чайника, принимаемъ за дыню, она великолѣпна. За дыней любимъ слѣдующимъ милымъ зрѣлищемъ: какъ я уже сказалъ, намъ самовара не давали, а дали лишь чайникъ и стаканы. Послѣ того, какъ мы напился чая, всю посуду отнесли къ арыку, въ которомъ только что стояли ишаки, и въ которомъ правовѣрные мусульмане, совершая омовеніе, мыли голову, руки и ноги, и въ трехъ шагахъ отъ насъ стали тщательнѣйшимъ образомъ перемывать всѣ стаканы и чайникъ. Мыли не какъ нибудь, а оттирали стекло пескомъ, продѣлывая все это съ самой серьезной миной.

Мимо насъ проходятъ ишаки съ грузомъ. Проѣзжаетъ фаятонъ изъ Мешедэ. Всѣ останавливаются у этой воды поить. Кучеръ фаятона, кавказскій татаринъ, вступаетъ въ разговоръ съ моимъ ямщикомъ. Узнавъ отъ него, что я ѣду въ Мешедъ и буду видѣть консула, онъ обращается ко мнѣ съ просьбою сообщить консулу объ отвратительномъ состояніи дороги, о поломанныхъ мостахъ, арыкахъ, прорытыхъ поперекъ дороги, и другихъ прелестяхъ, удли-

няющихъ и затрудняющихъ и безъ того не близкій и трудный для лошадей путь.

Изъ-за поворота дороги показываются два бѣлыхъ крупныхъ ишака. На нихъ, на мягкихъ кожаныхъ сѣдлахъ ѣдутъ двѣ персидскія дамы; лицо закрыто «рубендомъ», т.-е. кускомъ бѣлой матеріи съ четырехугольнымъ отверстіемъ, гдѣ вставлена крупная сѣтка изъ толстыхъ нитокъ. Это отверстіе приходится противъ глазъ. За ишаками идетъ пѣшкомъ провожатый. Пользуясь тѣмъ, что мусульманъ на улицѣ нѣтъ, а идущему сзади проводнику не видно, обѣ откидываютъ въ сторону рубендъ и съ любопытствомъ меня разсматриваютъ. Обѣ очень хорошенькія. Постоянно закрытое покрываломъ лицо не загораетъ, и кожа остается нѣжной, матово-смуглой. Подъѣзжая къ арыку, онѣ останавливаются поить ишаковъ. Въ это время у одной изъ нихъ сваливается чуть держащаяся на ногѣ туфля, и дама беспомощно машетъ въ воздухъ ножкой, обутой, въ черный матерчатый чулокъ, составляющій одно цѣлое съ широкими черными же шароварами. Провожатый, замѣтивъ это, подбираетъ туфлю и водворяетъ на должное мѣсто.

Можно удивляться, какъ персы не теряютъ при верховой ѣздѣ своихъ туфель. Сапоговъ съ голенищами тамъ не употребляетъ никто. Всѣ носятъ туфли безъ задковъ или со смятыми задками и, ѣдя постоянно верхомъ, ловко удерживаютъ ихъ на ногѣ. Это положеніе не представляетъ исключенія, такъ какъ ближайшіе ихъ сосѣди туркмены, отличные наѣздки, такъ же ѣдятъ въ туфляхъ, удерживая ихъ большимъ пальцемъ ноги.

Жаръ уже начинаетъ спадать, лошади поѣли кормъ, можно двигаться. Намъ надо пріѣхать въ Мешедъ засвѣтло, ибо съ заходомъ солнца ворота города запираются, и мы можемъ остаться ночевать въ полѣ. Отдохнувшія лошади бѣгутъ весело, догадываясь, что скоро продолжительный отдыхъ. Солнце уже низко, вѣтеръ приноситъ прохладу съ горъ. Мешедъ лежитъ ближе къ горамъ Биналудъ, составляющимъ продолженіе Ала-дага, и дальше отъ горъ Копетъ-дага, пограничныхъ съ Россіей.

Такимъ образомъ, дорога отъ Кугана до Мешедъ пересѣкаетъ наискось эту долину.

Деревни попадаютъ все чаще и чаще. Вода, выведенная наружу далеко выше города, бѣжитъ открыто по арыкамъ. Вдоль воды насаженъ въ два ряда тутъ, и арыки эти кажутся издали широкими аллеями. Но вотъ показался Мешедъ; изъ моря зелени виднѣются желтыя стѣны, кровли домовъ, купола зданій, и надъ всѣмъ этимъ блестятъ и искрятся на солнцѣ золотые минареты и куполъ имама Ризы.

На мѣстѣ, откуда подъѣзжающимъ къ Мешеду паломникамъ впервые открывается видъ на святыню, обыкновенно совершается молитва. Такія мѣста, особенно обозначенныя, есть на всѣхъ

дорогахъ къ Мешеду. Скоро начинаются городскіе сады, находящіеся вѣ стѣнѣ.

Въ садахъ—плодовые деревья и виноградъ, но все это огорожено высокими глинобитными стѣнами, и изъ-за стѣнъ видны лишь вершины насажденныхъ по краямъ сада пирамидальныхъ топелей, да случайно перекинувшаяся черезъ ограду прядь виноградной лозы. Большія ворота въ этихъ стѣнахъ, ограждающихъ сады, попадаются рѣдко. Для постоянного пользованія устраиваются маленькія дверки изъ камня. И косяки, и порогъ съ притолокой, и сама дверь—все высѣчено изъ мешедскаго чернаго камня. Правда, она не велика, аршина полтора, но зато практична. Такая дверь не сгнѣтъ и не заржавѣтъ. Не знаю только, легко ли она отворяется.

Передъ городомъ дорога становится лучше, а мосты цѣлы, и арки поперекъ дороги не прокопаны, какъ это было до сихъ поръ. Такое варварское обращеніе съ дорогой я объясняю себѣ тѣмъ, что туземные жители колесными дорогами сами не пользуются. Кромѣ фургонновъ, совершающихъ путь по шоссе, и фаэтоновъ, другихъ колесныхъ экипажей не употребляютъ. За полтора мѣсяца я видалъ лишь двѣ-три арбы съ большими колесами и то въ самомъ городѣ. За городомъ же помимо шоссе вы нигдѣ не встрѣтите никакого колеснаго экипажа. Поэтому и дороги такъ устроены, что можно отлично проѣхать верхомъ, но совершенно невозможно въ экипажѣ. Даже и по степи, гдѣ мѣсто ровное, дорога для колесъ не годится, ибо черезъ канавы, постоянно пересѣкающія путь, мостовъ нѣтъ, а если и есть мостъ, то шириною въ полъ-аршина, такъ что и верхомъ по нему страшно ѣхать. Когда же приходится ѣхать въ фаэтонѣ по такой дорогѣ, то персы захватываютъ съ собой въ экипажъ пару толстыхъ досокъ, по которымъ они и переѣзжаютъ каждую встрѣчную канаву. Тутъ дорога имѣла приличный видъ, да, кромѣ того, ее поправляли, ожидая пріѣзда въ Мешедъ какого-то принца.

Ремонтъ дороги заключался въ томъ, что снова прокапывали обвалившіяся канавы и на полотно дороги насыпали мелкую гальку съ пескомъ и глиной. Эта смѣсь очень скоро укатывается, и дорога получается отличная. Но теперь ѣхать по только что насыпанной галькѣ было трудно, колеса вязли почти на четверть.

Наконецъ сады кончаются, и передъ нами стѣны Мешеды. Стѣна—глинобитная съ такими же башнями. Дорога идетъ къ воротамъ, надъ которыми двѣ облицованныя изразцами башенки аршина полтора въ діаметрѣ. Сквозь эти башенки просунуты палки, на которыя вѣшаютъ головы и части тѣла казненныхъ. Но, къ счастью, на этотъ разъ на нихъ ничего не было. Недалеко передъ воротами находится небольшой домикъ, гдѣ у проѣзжающихъ требуютъ паспортъ. Я имъ отдалъ свой, и они обѣщали доставить мнѣ его передъ отъѣздомъ. Вѣзжаемъ въ ворота. Подъ длинными сводами

въ темнотѣ у подножки экипажа вырисовывается фигура таможеннаго служителя. Онъ почитательно кланяется и вскакиваетъ на подножку, чтобы мы не проѣхали мимо таможни. Улица начинается прямо отъ воротъ. Она идетъ по обонимъ берегамъ широкаго арыка, вдоль него насажены вѣсковые чинары. Черезъ арыкъ перекинуты безчисленные мостики для пѣшеходовъ и верховыхъ. Вотъ и таможня съ развѣвающимся надъ ней флагомъ со львомъ и солнцемъ. Отдаю полученное мною на границѣ удостовѣреніе и трогаюсь дальше.

Народу встрѣчается все больше и больше. Верблюды, ишаки, лошади, овцы, женщины, дѣти, солдаты-сарбазы, дервиши, персы, туркмены, пѣшіе и верховые загораживаютъ дорогу и задерживаютъ насъ.

Ѣдемъ шагомъ. Переѣзжаемъ по одному изъ мостиковъ арыка, проѣзжаемъ мимо нѣсколькихъ лавокъ и чайханѣ, устроенныхъ на балконахъ во второмъ этажѣ, и сворачиваемъ въ узкую малолюдную улицу.

Два поворота, и мы подъѣзжаемъ къ калиткѣ, въ высокой кирпичной стѣнѣ надъ которой установленъ флагштокъ. На зовъ моего кучера изъ воротъ сосѣдняго двора выбѣгаютъ его знакомые казаки, радостно привѣтствуютъ насъ, отпираютъ калитку, и я въ тѣнистомъ саду консульства.

Дмитрій Бѣляевъ.

